

Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пяльцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.

Вспоминает: в сорок пятом,
За извиистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.

Слаще он всего на свете!
Огоньком горит в руках!

И свистит-гуляет ветер
В детских впалых животах...

Развалился — эх, предатель! —
Туесок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...

Тот трилистник незабвенный —
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.

* * *

Я не знал, как это страшно —
В дом, где были мы вдвоем,
Приходить как в сон вчерашний,
Падая в дверной проем.

Нет тебя... Что это значит?
Что за странный эпилог?
Сумасшедший, не иначе,
Выдумать такое мог!

Тишину не нарушая,
Не включив в прихожей свет,
На пороге, как у края,
Понимать: тебя здесь нет.

Слышу лишь, как глухо, редко
Сердце рвется сквозь висок.
И земля, как табуретка,
Вылетает из-под ног.

* * *

Дождь июльский, полуночник
Ненароком отыскал
Твой игрушечный совочек
В груди теплого песка.

Птицей тронутую ветку,
Тихий щебет, летний гул,
Ты, упав, разбил коленку,
Ветер ласково подул.

Вспомнил твой звенящий голос,
Смех в тени цветущих лип,
Золотой, как хлебный колос,
Локон, что ко лбу прилип.

Словно прикоснувшись к тайне,
Замер дождь, в себе храня
Хрупкое еще дыханье
Новорожденного дня.

* * *

Белобрысый парень Кольча
В знак того, что мы друзья,
Смастерил мне колокольчик —
Славный, да звонить нельзя!

Несуразный как хозяин,
Только память дорога!
Словно бы из света сваян,
А возмешь — дрожит рука.

Звук бежит — да спотыкнётся,
Захлебнётся на бегу,
Ловит зыбкий лучик солнца
Дыркой в глиняном боку.

Вдруг увидишь берег отчий,
Травы трогают плечо.
Кто услышит звон тот, Кольча,
Тот вернётся обречён.

* * *

Ступлю босыми в зверобой,
Укравший золото у солнца,
И детство, словно пес слепой,
К колену моему прижмётся.

Там, запрокинув вверх лицо,
Клен к небу тянется устало.
И время свёрнуто в кольцо —
Конец всё там же, где начало.

Не вздрагивай же, бог с тобой,
Мне сон был радостный и вещий,
Что где-то ждут меня домой,
Мои не убирают вещи.

На дверце кованой печной
Чугунный конь сгибает шею...
На сердце, как на водопой,
Спешит и, припадая, млеет.

Нарисовать бы, только не умею,
Спасаясь этим от тоски и страха,
Цепочки лунный блик на смуглой шее,
Затерянный за воротом рубахи.

И твои пальцы, пахнувшие «Примой»,
Дрожащие, как будто бы на флейте...
Я говорила: жизнь проходит мимо,
А жизнь вся уместилась в том моменте,

Когда твои засушливые губы
Причиной жажды становились сами,
А дальше был лишь мир простой и грубый,
С покинутыми где-то чудесами.

Она была во сне, как наяву,
Её лицо от нежности светилось:
«Прости меня, от радости реву,
Не то б не развела такую сырость».

На подоконник грудью налегла,
Горшок с цветком поправила привычно.
«Подранок милый, как твои дела?
Какая блажь тебя терзает нынче?».

О, нынче клёны яростней горят
И под ноги швыряют рыжей пылью,
И я иду, как прежде, наугад
По грани между вымыслом и былью.

Ждать не умею... И на красный свет
Перебегаю мокрую дорогу.
На этой стороне мне правды нет,
Да и на той, я чувствую, не много.

В ларьке хотела прикупить конфет,
Которые ты любишь — козинаки.
Опомнилась. Купила сигарет.
По-детски дождь захныкал: «Враки! Враки!».

Да нет, дружок, всё так, — я говорю, —
Нам и во сне свиданье — божья милость,
Смеюсь в лицо больному сентябрю,
Успею плакать. Я не разучилась.

Бойё

По-сучьи зубы обнажив,
Застив холодной пылью небо,
Металась тундра. Ты был жив,
Как никогда доселе не был.

Шёл белый пламень, как в аду,
В ладоней потемневших корки
Вгрызался. Ждал, что упаду
Я в снежный сон, слепой и горький.

Среди людей, среди собак —
Всё было для меня едино!

Здесь каждый третий был мой враг,
И от него смердило псиной!

Ты спас бы, слова одного
Хватило б, и движенья даже!
На страже сердца моего,
И маленькой души на страже.

Но слово — будто не моё —
Застыло в нервном шатком свете.
Кричу беспомощно: Бойё!
И крик заполоняет ветер.

* * *

Вытряхиваю всё из кошелька,
Смотри, старик, и я могу быть доброй,
Хотя тащусь по свету, словно с торбой,
С душой пустою, как твоя рука.

Аккордеон закашлялся и смолк,
Ему минута только — отдышаться,
Скукожились рубли в дрожащих пальцах,
Монетка закатилась под сапог...

Поверишь ли, в тебе я узнаю
Далёкого родного человека,
Которого не видела полвека —
Лица почти не помню, но люблю!

Да, музыка — внутри, а не вовне,
И глухота к ней — тяжкое увечье,
Но мне её услышать было легче,
Когда ты руку протянул ко мне.

* * *

Лишь одной из многих она была,
В ночь совсем истаяла как свеча,
Но макушкой солнечной подошла
Деревянный выступ его плеча.

И ночную тьму перерезал свет,
Заплясал огонь, как цепной медведь:
«Что болит в груди, где и сердца нет?
И да может ли пустота гореть?»

По безликой улице побежал,
Полыхал как факел, а после сник,
И с дождём на пару тушил пожар,
Заливали вместе за воротник.

Наконец, к утру он совсем потух,
Чёрной пылью кашлял в большой кулак,
Отраженью в луже сказал он вслух:
«Так тебе и надо, дурак».

* * *

Друг мой, потеря вчерашняя,
Был или не был, ответь!
Эта ли жизнь — настоящая?
Это ли, милый, не смерть?

Спросишь: о чем же я сетую?
Скажешь: назад не гляди...
Детскую песенку светлую
Мы утопили в груди.

В сердце холодном, как в проруби...
Но позабыть не смогу,
Как хоронили мы голубя
В чистом январском снегу.

* * *

Спешил мальчишка малых лет,
В большом пальто на хрупком теле,
За пьяной матерью вослед,
Во двор, где сломаны качели...

И вдруг упал... Под ним земля
Холодно-скользящая, как мрамор.
«Устал я... Подожди меня!
Я не могу так быстро, мама...»

Но голос треснул, как стекло,
Лицо — подобием оскала...

Мать отвечала глухо, зло:
«А кто б спросил, как я устала?»

Минута эта длилась век,
И опустевшим небо стало.
Упала пуговица в снег,
Звездой последнею упала.

И он с трудом подняться смог,
Начерпав снега рукавами,
И я увидела, как Бог,
Устав, закрыл лицо руками.